

ОГЛАВЛЕНИЕ

Основные сокращения	5
Предисловие	6

Часть I

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»	34
2. Сопоставительная таблица действующей и проектной редакций изменяемых норм УК РФ	70
3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»	127

Часть II

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»	164
2. Сопоставительная таблица действующей и проектной редакций изменяемых норм УПК РФ	206
3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»	417

Часть III

КОРРЕСПОНДИРУЮЩИЕ ПОПРАВКИ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	550
2. Сопоставительная таблица действующей и проектной редакций изменяемых норм отдельных законодательных актов Российской Федерации	587
3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	710

Часть IV**КОРРЕСПОНДИРУЮЩИЕ ПОПРАВКИ В ОТДЕЛЬНЫЕ
ФЕДЕРАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЗАКОНЫ**

1. Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с изменением подсудности уголовных дел, связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью, и процессуального порядка их рассмотрения» 790
2. Сопоставительная таблица действующей и проектной редакций изменяемых норм отдельных федеральных конституционных законов 802
3. Проект Федерального конституционного закона «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с изменением подсудности уголовных дел, связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью, и процессуального порядка их рассмотрения» 805

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АПК РФ	— Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации
Верховный Суд РФ, ВС РФ	— Верховный Суд Российской Федерации
Государственная Дума	— Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
ГК РФ	— Гражданский кодекс Российской Федерации
ГПК РФ	— Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
Закон о содержании под стражей	— Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»
Закон об оценочной деятельности	— Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»
Закон о государственной судебно-экспертной деятельности, Закон № 73-ФЗ	— Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»
Закон об адвокатской деятельности	— Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»
Закон о персональных данных	— Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»
Закон об основах охраны здоровья	— Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»
КоАП РФ	— Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации
Конституционный Суд РФ, КС РФ	— Конституционный Суд Российской Федерации
НК РФ	— Налоговый кодекс Российской Федерации
УИК РФ	— Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации
УК РФ	— Уголовный кодекс Российской Федерации
УПК РФ	— Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
ФСО	— Федеральный стандарт оценки

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы авторами настоящей работы были проведены обширные исследования современного состояния и тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выводы которых изложены в нескольких монографиях, опубликованных в 2020–2023 гг. в издательстве «Международные отношения».

Причина, побудившая авторов обратиться к данной проблематике, состоит в том, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в их нынешнем виде не отвечают запросам и потребностям общества, что наиболее остро проявляется в сфере, связанной с привлечением к уголовной ответственности предпринимателей.

Как отмечается, повышенное общественное внимание к вопросам уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности обусловлено в наибольшей степени тем, что по спорам хозяйствующих субъектов, особенно в отношении значительной по цене собственности, у сторон зачастую возникает соблазн привлечь на свою сторону правоохранительную систему. В этих условиях меры уголовного преследования в ряде случаев становятся инструментом недобросовестной конкурентной борьбы. При этом существование коррупционной составляющей и определенных юридических предпосылок повышает уровень правовых рисков субъектов предпринимательской деятельности¹.

По замечанию А. Гармаш, становление предпринимательства в РФ происходило в сложных экономических и правовых условиях, когда массив законодательства базировался на понимании экономики как плановой, основанной исключительно на государственной собственности и защищаемой государством от участия в ней частной собственности, в том числе путем прямого уголовного преследования. Даже после того как государство на законодательном уровне признало право частной собственности, включая право вести на ее основе предпринимательскую деятельность, общая идея криминальности частного бизнеса продолжила (и до сих пор продолжает) свое существование как в государственном сознании, так и в сознании обычных граждан. Эти процессы обусловили возникновение в России такого явления, как искусственная криминализация бизнеса, когда обычные для рыночной экономики отношения в сфере предпринимательской деятельности объявляются незаконными и влекут уголовную ответственность, как основанную на действующем законодательстве, так и не основанную на нем, но применяемую путем расширительного толкования уголовной нормы².

---

¹ *Гаврилин Ю.В.* Защита прав субъектов предпринимательской деятельности от незаконного и необоснованного уголовного преследования // Адвокатская практика. 2013. № 6. С. 25–28.

² *Гармаш А.* Предпринимательство на грани преступления // ЭЖ-Юрист. 2012. № 16. С. 10.

Оба приведенных выше суждения были высказаны более 10 лет назад, между тем можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на внесение с того времени в УК РФ и в УПК РФ многочисленных поправок, уголовно-правовые риски для экономических акторов как минимум не снижаются и это вредит развитию экономической деятельности, а значит — и обществу в целом.

Одна из причин такого положения заключается в том, что, как отмечается исследователями, в российской правовой системе для коммерческих споров не существует ясной границы между гражданско-правовыми отношениями и уголовно наказуемыми деяниями, при желании правоохранительных органов практически в каждом исполнении обязательств по гражданско-правовому договору можно обнаружить криминальный аспект. «Мошенничество (статья 159 УК РФ) — отличный мостик, используемый правоохранительными органами для переноса коммерческих отношений в уголовно-правовую плоскость»¹.

То, что «мошенничество в сфере предпринимательской деятельности погранично с гражданско-правовыми отношениями», констатируется и в других исследованиях².

По мнению М. Ю. Подварковой, гражданские правоотношения, связанные с обычной деятельностью хозяйствующих субъектов, и уголовные преступления разделяет тонкая грань. Чтобы разрешить эту проблему, необходимо совершенствование систем гражданского и уголовного законодательства с целью защитить права добросовестных участников хозяйственной деятельности от необоснованного уголовного преследования, но не допустить возможность виновными лицами избежать уголовной ответственности за мошенничество под прикрытием гражданско-правовой сделки³.

По замечанию А. Э. Жалинского, «вполне реально расширить или сузить субъективный критерий тайного характера кражи на практике, обмана при мошенничестве, угрозы при вымогательстве, что нередко происходит на практике, чтобы правомерное деяние превратилось в преступление. Иными словами, реально принцип законности, как он определен в ст. 3 УК РФ, не действует и заменяется едва ли не обычным правом либо очень плохо проработанным судебным прецедентом, который часто создается даже и не судом»⁴.

Причина такого положения усматривается в том, что гражданское право считает нормальным извлечение прибыли, а логика уголовного права предполагает, что зачастую жажда наживы указывает на преступный умысел. Как отмечает Д. И. Степанов, сегодня нередко все начинается в гражданском

¹ Хужин М. С. Обзор коммерческих споров, перешедших в уголовную плоскость // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 1. С. 83–94.

² Семенова В. В., Шенин В. М. Тенденции развития противодействия различным видам мошенничества по российскому законодательству // Адвокатская практика. 2022. № 3. С. 37–40.

³ Подваркова М. Ю. Некоторые проблемы разграничения гражданско-правовых отношений и уголовно наказуемого деяния, разграничения мошенничества со смежными составами преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 7. С. 76–82.

⁴ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.

процессе, а заканчивается уголовным. Как правило, после этого менеджмент компании не соглашается на рискованные бизнес-решения. В итоге это вытесняет многие правовые конструкции из нашей юрисдикции в зарубежные. Но если повсеместно применять уголовное правопонимание к гражданскому обороту, то, наверное, можно и весь оборот остановить¹.

По замечанию исследователей, запрос на охрану интересов предпринимателей возник объективно, «кристаллизуясь» и требуя своего учета в уголовной политике и, соответственно, в законотворчестве, так как для предпринимателей уголовное преследование связано с возникновением рисков, сдерживающих реализуемую ими хозяйственно-экономическую деятельность, а иногда приводящих и к прекращению последней. Такие риски понятным образом в целом негативно влияют и на экономическую ситуацию в стране в плане занятости населения, поступления налогов в бюджет и т. д. В этой связи потребность в повышенных гарантиях для предпринимателей, обвиняемых в преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, проявилась в силу необходимости нормализации экономического развития и инвестиционного климата страны посредством минимизации для представителей бизнес-сообщества репрессивных средств уголовного преследования².

Как отмечается, избыточное уголовное преследование бизнеса ухудшает имидж экономики той страны, где такая проблема существует, что, в свою очередь, влечет за собой отток капитала и сокращение его притока из других стран. Примером служит российское уголовное законодательство, которое в настоящее время нуждается в модернизации. Такая необходимость обусловлена неэффективностью и чрезмерной репрессивностью уголовного закона. Законодательные изменения смогут повлечь за собой экономическое развитие страны, а также конституционно гарантировать свободу экономической деятельности³.

На наличие многих нестыковок уголовного и гражданского законодательства обращается внимание и специалистами в области уголовного права⁴.

В последние несколько лет был принят ряд законов, направленных на снижение уровня уголовно-правового воздействия в сфере предпринимательства: дифференциация уголовной ответственности за мошенничество (включение в УК РФ ч. 5–7 ст. 159, в которых предусмотрена ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности); ограничение возможности применения в отношении предпринимателей нормы об ответственности за организацию преступного сообщества (ст. 210 УК РФ); криминализация незаконного возбуждения уголовного дела, если это деяние совершено в целях

---

¹ *Верещагин А., Румак В.* Принцип ограниченной ответственности у нас фактически упразднен [Интервью с Д. И. Степановым] // Закон. 2020. № 11. С. 8–19.

² *Аширбекова М. Т., Попова Л. В.* К вопросу о специализации производства по уголовным делам в отношении предпринимателей // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 16–20.

³ *Ахтырко Д.* Верховенство права для бизнес-среды. Международно-правовой аспект // ЭЖ-Юрист. 2017. № 17–18. С. 3.

⁴ *Румак В.* В отличие от мошенничества, состав злоупотребления полномочиями можно назвать «резиновым» [Интервью с П. С. Яни] // Закон. 2018. № 10. С. 6–16.

воспрепятствования предпринимательской деятельности и повлекло ее прекращение (ч. 3 ст. 299 УК РФ); повышение крупного и особо крупного размера уголовно наказуемых деяний (примечания к ст. 169, 170.2, 198–199.4 УК РФ и др.); расширение возможностей освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) и др.

С момента принятия в 1996 г. УК РФ его разд. VIII «Преступления в сфере экономики» был дополнен 40 новыми статьями, предусматривающими ответственность за экономические преступления. Вместе с тем исключены из данного раздела лишь пять статей, предусматривавших ответственность за покушения на экономические отношения: ст. 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности»; ст. 173 «Лжепредпринимательство»; ст. 182 «Заведомо ложная реклама»; ст. 188 «Контрабанда»; ст. 200 «Обман потребителей».

Вместе с тем, как отмечается, данные факты нельзя считать в полной мере декриминализацией в связи с последующей криминализацией мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159); незаконного образования юридического лица (ст. 173.1), незаконного использования документов для образования юридического лица (ст. 173.2), контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1), а также алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 200.2).

К наиболее значимым примерам депенализации в сфере экономики можно отнести: закрепление права суда при наличии смягчающих наказание обстоятельств изменять категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ); назначение наказания в виде лишения свободы осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 56 УК РФ); введение нового вида наказания — принудительных работ (ст. 53.1 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) или по специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления и контрабанду денежных средств и др.¹

По справедливому замечанию ряда ученых, в УК РФ прослеживается тенденция решения социальных и экономических проблем с помощью уголовной репрессии², при этом уголовное преследование бизнесменов зачастую ведется без достаточных оснований и не столько ради привлечения к ответственности, сколько ради оказания давления с различными целями³.

По мнению исследователей, современные методы борьбы с экономическими преступлениями с применением исключительно уголовно-правовых

---

¹ *Нудель С.Л.* Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения экономической безопасности (проблемы и тенденции законодательной регламентации) // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 106–119.

² *Куликов А.С.* Глобализация и новые вызовы безопасности в виде преступности и терроризма // Антитеррор. 2002. № 1. С. 8–11.

³ *Климачева К.* Под страхом уголовки: за что судят бизнес // <https://pravo.ru/story/226024/>.

средств представляются ограниченными и неэффективными, влекущими многочисленные издержки для экономики государства. В настоящее время уголовный закон в значительной степени не учитывает специфику экономических отношений, выбирая строго целенаправленное уголовно-правовое воздействие на отклоняющееся экономическое поведение субъекта предпринимательской деятельности. Отсюда существенные издержки, связанные с процедурой уголовного преследования, не учитывающие специфику ведения бизнеса¹.

На текущий момент продолжает оставаться злободневной проблемой перевод гражданско-правовых споров в уголовно-процессуальную плоскость².

Использование потенциала уголовного преследования сегодня стало одним из инструментов в недобросовестной конкурентной борьбе. Не случайно в научной литературе закрепился такой термин, как «заказное уголовное преследование».

Как пишет С. В. Бажанов, лишь 6,0 % предпринимателей после предпринятого в отношении них уголовного преследования полностью сохраняли бизнес, 24,0 % сохраняли его частично, остальные (70,0 %) теряли его полностью. «Получается, что ежегодно более 100 тысяч субъектов предпринимательской деятельности прекращают ее из-за необоснованного (не подтвержденного результатами) уголовного преследования»³.

М. Г. Жилкин констатирует, что выборочное применение уголовного и налогового законодательства приводит к искусственному банкротству юридических лиц, чьи активы поглощаются фирмами — «заказчиками» рейдерских атак. Причем подобные случаи лукаво именуются спорами хозяйствующих субъектов или же прикрываются борьбой с предпринимательскими преступлениями⁴.

В преамбуле постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» указано, что успешное достижение стоящих перед бизнес-сообществом целей во многом зависит от наличия действенных организационно-правовых механизмов, позволяющих исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, оградить от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками.

---

¹ Смольянинов Е. С. Основные идеи по реализации современной уголовной политики в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2022. № 1. С. 27–33.

² Зайцев О. А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 108–126.

³ Бажанов С. В. Состояние законности при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений, совершаемых предпринимателями // Право и экономика. 2017. № 8. С. 18.

⁴ Жилкин М. Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. М.: Юриспруденция, 2019.

Тем не менее эта констатация сама по себе исправить сложившиеся реалии не способна.

Как отмечается, предпринимательство начинает рассматриваться как опасный вид деятельности, занятие которым может привести к серьезным проблемам. И, как результат, многие граждане отказываются от предпринимательской деятельности, не хотят заниматься бизнесом, хотя обладают для этого должным потенциалом и при желании могли бы приносить пользу экономике страны¹.

По мнению исследователей, «итогом 20-летнего реформирования уголовного судопроизводства стал правовой механизм, беспомощный в борьбе с глобальной коррупцией и расхищением национальных (природных) богатств и в то же время успешно утрамбовывающий ежегодно по 100 тыс. человек в места лишения свободы, превзойдя в этом отношении даже советские показатели. А системной борьбы с экономической преступностью как не было, так и нет»².

Мы решили заняться этой проблемой, исследовав, в том числе, причины, по которым экономические споры перемещаются в уголовную и в уголовно-процессуальную сферы.

Так, три года назад в издательстве «Международные отношения» вышла наша работа³, в которой проанализирована практика применения уголовными и гражданскими судами норм ГК РФ об исковой давности в ситуации, когда права истца нарушены деянием, за которое предусмотрена уголовная ответственность, а также существующие на этот счет научные воззрения.

Принимая во внимание, что исковая давность является институтом гражданского права, которое, по идее, должны применять как уголовные суды при рассмотрении в рамках уголовных дел гражданских исков о возмещении вреда, причиненного преступлением, так и гражданские суды, разрешающие аналогичные требования, заявленные в рамках гражданского судопроизводства после завершения уголовного дела, данное исследование проведено на стыке нескольких отраслей права: гражданского, гражданского процессуального, уголовного и уголовного процессуального.

В ходе этого исследования выяснилось два любопытных факта.

Факт первый состоит в том, что суды, разрешающие гражданские иски в рамках уголовного дела, исковую давность не применяют вовсе, мотивируя это тем, что в силу ч. 2 ст. 42 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции.

Такой подход фактически означает отрицание применимости норм ГК РФ об исковой давности, в том числе норм, определяющих начало ее течения, к гражданско-правовым требованиям, разрешаемым в уголовном судопроизводстве, что абсурдно, так как применение норм материального права, то есть

¹ Тонконог А. Обвинения в мошенничестве как повод для устранения конкурента // ЭЖ-Юрист. 2017. № 15. С. 9.

² Александров А., Александрова И. Cui prodest... // ЭЖ-Юрист. 2012. № 46. С. 7.

³ Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Применение исковой давности при предъявлении иска в уголовном деле и вне его. М.: Международные отношения, 2020.

в данном случае — норм данного Кодекса, не может зависеть от вида судопроизводства, в котором осуществляется защита гражданских прав.

Факт второй заключается в том, что в судебной практике нет разногласий по вопросу о том, что при рассмотрении гражданских дел о возмещении вреда, причиненного преступлением, возбужденных после завершения уголовного дела, сроки исковой давности подлежат применению, однако в том, с какого момента следует исчислять начало течения этих сроков, позиции судов разделились.

В частности, достаточно распространенной оказалась практика исчисления начала течения сроков исковой давности со дня вступления в силу приговора, что мотивируется тем, что в силу презумпции невиновности никто не может быть признан виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда, а раз так, то до вступления приговора в законную силу течение срока исковой давности и не начиналось, что, по мнению авторов, не основано на законе.

Практически приведенные подходы означают, что в случае возбуждения уголовного дела начало течения исковой давности переносится на более поздний срок, что приводит к тому, что лицо, пропустившее срок исковой давности по требованию, возникшему из гражданских правоотношений, мотивируется инициировать возбуждение уголовного дела, что позволяет избегать применения последствий, связанных с пропуском срока исковой давности, как при предъявлении гражданского иска в рамках уголовного дела, так и при последующем предъявлении того же или иного иска в порядке гражданского судопроизводства в случае, если гражданский иск был оставлен без рассмотрения, передан на разрешение в порядке гражданского судопроизводства или не предъявлялся вовсе.

Соответствующая практика позволяет рассчитывать на удовлетворение даже явно задавненных требований, что и является одной из причин массового возбуждения уголовных дел в качестве способа разрешения экономических споров.

Стоит отметить, что ранее в таком аспекте указанная проблематика не рассматривалась.

В упомянутой работе авторами обоснована неправомерность такой практики и приведена противоположная.

Как отмечено, «позиция, согласно которой срок исковой давности по требованиям, мотивированным совершением ответчиком уголовно наказуемых деяний в отношении истца, начинается течь со дня вступления в силу приговора, не имеет под собой правовых оснований, а выявленные в судебной практике различные варианты определения иного момента начала течения исковой давности по требованиям, предъявленным по итогам уголовного дела, как представляется, могут быть сведены к общей формуле, изложенной в постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.09.2016 по делу № А79-4457/2015: «Закон связывает начало течения срока исковой давности с моментом получения любой информации, из которой можно сделать вывод о нарушении права, а не с моментом установления данного обстоятельства вступившим в законную силу судебным актом»¹.

---

¹ Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Указ. соч. С. 862.

Что же касается научных воззрений, то, как справедливо отмечают А. П. Сергеев и Т. А. Терещенко, «в российской юридической литературе вопрос об исковой давности для гражданского иска, предъявленного в уголовном деле или по его итогам, является совершенно неисследованным». По замечанию указанных авторов, «цивилисты этим вопросом, как, впрочем, и проблемами гражданского иска в уголовном деле в целом, практически не интересуются. Написанное же по этому поводу специалистами по уголовному праву и процессу, как правило, не выдерживает никакой критики, потому что подчас расходится с азами гражданского права»¹.

Действительно, несмотря на значительное число публикаций, посвященных гражданскому иску в уголовном деле, вопросы о применении исковой давности в них, за единичными исключениями, не затрагиваются.

Анализ существующей литературы приводит к выводу о том, что позицию указанных специалистов в области уголовного права и процесса по рассматриваемому вопросу точнее всего было бы охарактеризовать как «заговор молчания». Практически никто из указанных специалистов прямо не пишет о том, применяются или не применяются сроки исковой давности к требованиям, заявляемым в рамках гражданского иска. Можно сказать, что этот вопрос в литературе тщательно обходится.

С учетом всего изложенного авторами было предложено включить в проект постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» следующее разъяснение:

«В соответствии с пунктом 1 статьи 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Это правило применимо и к гражданскому иску, заявленному в уголовном деле.

Гражданское законодательство не связывает применение исковой давности и определение даты начала ее течения с тем, нарушены ли права истца деянием, за которое предусмотрена уголовная ответственность, или таким, которое не может быть квалифицировано как преступное, как и с тем, предъявлен ли иск о защите этих прав в уголовном деле, или по завершении последнего, или независимо от того, было ли возбуждено уголовное дело.

При этом отсутствие вступившего в законную силу приговора в отношении лица, к которому предъявлен гражданский иск, на начало течения срока исковой давности не влияет.

Положения части 2 статьи 44 УПК РФ, согласно которым гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции, не могут быть истолкованы как устанавливающие изъяс-

---

¹ Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Особенности исчисления начала течения исковой давности, если вредоносные действия являются одновременно преступлением // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 73–84.

тие из правил определения начала течения срока исковой давности, предусмотренных ГК РФ»¹.

Указанное разъяснение не было включено в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», вместе с тем впоследствии соответствующая правовая позиция отчасти нашла отклик в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 49-КГ22-21-К6, в котором отмечено следующее.

«Действующее законодательство не содержит положений об исчислении срока исковой давности с момента вступления в законную силу приговора.

В абзаце втором пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» разъяснено, что течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо, право которого нарушено, узнало или должно было узнать о совокупности следующих обстоятельств: о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (пункт 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Таким образом, право на иск по общему правилу возникает с момента, когда о нарушении такого права и о том, кто является надлежащим ответчиком, стало или должно было стать известно правомочному лицу, и именно с этого момента у него возникает основание для обращения в суд за принудительным осуществлением своего права и начинает течь срок исковой давности.

Само по себе наличие (отсутствие) вступившего в законную силу обвинительного приговора не является определяющим при исчислении срока исковой давности для защиты права лица, нарушенного в результате совершения преступления, поскольку суд, обладая необходимыми дискреционными полномочиями, в каждом конкретном деле устанавливает момент начала течения этого срока исходя из фактических обстоятельств, в том числе установленных вступившим в законную силу судебным постановлением (приговором) и имеющих преюдициальное значение».

Таким образом, можно надеяться, что с принятием указанного определения соответствующая практика, по крайней мере в том, что касается применения исковой давности при рассмотрении исков о возмещении вреда, причиненного преступлением, в гражданском судопроизводстве, будет скорректирована.

Таким образом, усилия авторов, проанализировавших соответствующую практику и обосновавших рекомендации по ее коррекции, не пропали даром.

В той же публикации ее авторами было предложено включить в упомянутый проект постановления Пленума ВС РФ и такое разъяснение:

«В соответствии с положениями пункта 1 статьи 166 ГК РФ сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания

---

¹ См. п. 4 проекта постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регулирующего вопросы возмещения имущественного ущерба, причиненного преступлением, предъявления и рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе» // И. А. Приходько, А. В. Бондаренко, В. М. Столярченко. Указ. соч. С. 865–866.

ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка).

В частности, согласно пункту 2 статьи 179 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего.

В силу пункта 4 той же статьи, если сделка признана недействительной по одному из оснований, указанных в пунктах 1–3 статьи 179, применяются последствия недействительности сделки, установленные статьей 167 ГК РФ.

Кроме того, убытки, причиненные потерпевшему, возмещаются ему другой стороной.

Из приведенных положений следует, что указанные убытки подлежат взысканию лишь в случае признания сделки недействительной.

В силу положений части 1 статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) предметом гражданского иска могут быть только требование о возмещении имущественного вреда и требование о компенсации морального вреда. Следовательно, требование о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности не может быть заявлено в гражданском иске и не подлежит разрешению в рамках уголовного дела.

Исходя из этого, суд отказывает в удовлетворении гражданского иска, если заявленное в нем требование о возмещении вреда, причиненного преступлением, основано на оспоримой сделке, которая не признана судом, арбитражным судом недействительной вне рамок уголовного дела»¹.

Это предложение также не было принято, следовательно, решить обозначенную проблему в целях устранения несогласованности между положениями ст. 159 УК РФ и положениями ст. 179 ГК РФ в настоящее время возможно путем включения в УК РФ соответствующего примечания к его ст. 159, указав в нем, что не признается мошенничеством приобретение лицом чужого имущества на основании сделки, совершенной в письменной форме и не признанной недействительной вступившим в законную силу решением суда, арбитражного суда, принятым в гражданском или в арбитражном судопроизводстве, по основанию совершения сделки под влиянием обмана или существенного заблуждения.

В той же монографии было высказано мнение о том, институт гражданского иска в уголовном деле трудно считать эффективным способом защиты прав потерпевших от преступлений, а неурегулированность значительного числа вопросов, связанных с порядком предъявления и рассмотрения такого иска, создает для обеих сторон правовую неопределенность, что, в частности, относится и к рассмотренным в этой работе вопросам исчисления срока исковой давности при предъявлении гражданского иска в уголовном деле и вне рамок последнего, практика разрешения которых остается неединообразной.

Если для случаев, когда потерпевший просит возместить ему стоимость украденной или уничтоженной вещи, а подсудимый требования потерпевшего не оспаривает, рассмотрение гражданского иска действительно возможно в упрощенном порядке, предусмотренном УПК РФ, т. е. как попутное разрешение одного из частных вопросов, то этого нельзя сказать об экономических

---

¹ Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Указ. соч. С. 863.